

УДК 130.2:82-31.161.1

ББК 71.0:84(2Рос)-44

Б 24

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, т. 8(861)2758246.

ОБРАЗНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИОСОФИИ РУССКОГО РОМАНА

(рецензирована)

В статье систематизируются предпосылки историософской сущности романов современных авторов. Определяется ее связь с литературной традицией и делается вывод о дискурсивно-образной детерминации историософской природы произведений.

Ключевые слова: историософия, русский роман, образные системы, дискурс, дискурсивная предпосылка

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Doctor of History, professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, tel.: (861) 2758246

FIGURATIVE AND DISCURSIVE PREMISES OF HISTORIOSOPHY OF THE RUSSIAN NOVEL

(reviewed)

The article systematizes the prerequisites of historiosophical essence of novels by contemporary authors. Its relations to literary tradition have been determined and discursive-figurative determination of works of historiosophical nature has been analyzed.

Key words: historical philosophy, Russian novel, imaginative system, discourse, discursive premise.

Для современного гуманитарного знания показателен поиск новых связей между литературой и смежными сферами, включая углубленную интерпретацию образной ткани дискурса [1, с. 37]; этот поиск определяется, в частности, осмыслением

дискурсивного взаимодействия [2, с. 161]. Эта тенденция обращает исследователей к постановке комплексных проблем и в науке о русской литературе – например, к историософии романа (см., в частности, исследования Т.Е.Сорокиной). В предлагаемой статье решается задача выявления образных и дискурсивных (в широком смысле) предпосылок историософии романа. Анализ исследовательской практики, в частности трудов Н. В. Зайцевой, И. Ю. Винницкого, Н. Ю. Грякаловой, П. Г. Опарина, Н. В. Боровковой, Т. В. Рыжкова, позволяет сделать вывод об усиливающемся интересе современной науке к историософским ракурсам художественного текста, а также о необходимости теоретической разработки проблемы.

Теоретизация проблемы на примере знаковой книги Д. Галковского «Бесконечный тупик» привела к следующим результатам. «Бесконечный тупик» – один из тех немногих дискурсов, который может быть использован для постановки теоретической проблемы «художественной историософии». Основная особенность «Бесконечного тупика» (помимо весьма серьезного объема, который при желании автора мог только нарастать) – центральное положение «русского» как влиятельного концепта, охватывающего все пространство книги. Ни мировая история в своих основных коллизиях, ни западная литература в самых перспективных архетипах не интересуют Галковского. Все его внимание отдано России – литературе, истории, культуре, которые формируют некую гиперактивную хрестоматию национального сознания. Галковский не идеологичен в узком смысле, его идеология – «русскоцентризм». Настоящая историософия не политична, а культурологична, – эта идея Галковского имеет большое значение для понимания основных проблем нашей диссертации.

В жанровом отношении «Бесконечный тупик» – книга, синтезирующая разные дискурсы: публицистический, литературоведческий, философско-исторический, художественно-автобиографический. Если на одном уровне «Бесконечный тупик» – книга о русской истории, явленной в русской культуре, то на другом уровне это повествование Галковского о своем метафизическом одиночестве, выраженном в фамилии его alter ego («Одиноков»). Если традиционный роман стремится воссоздать некую придуманную историю, сделать из нее значимый в художественном отношении факт, то роман Галковского ставит задачу превратить в неклассический роман самоё

русскую историю, построить сложную систему примечаний, призванных оформить образ историко-культурного хаоса, который должен на разных уровнях (интуитивном в том числе) закрепить многочисленные мотивы, формирующие концептуальное поле русской традиции. «Романный характер» обнаруживается Галковским в самой русской истории, обретающей не только идейную, но и, что очень важно, эстетическую форму.

Тот факт, что художественный мир большинства эпических текстов имеет отношение к историческому времени, воссоздает его в сюжетном развитии, не означает, что историософия – обязательная область каждого произведения. В диссертации рассматриваются романы, в которых историософия – значимый уровень сюжета и речевого пространства, без анализа которого невозможно адекватное прочтение данного произведения. Именно поэтому следует обратить внимание на признаки, свидетельствующие о присутствии историософского уровня.

Отбор литературного материала определяется четырьмя основными признаками:

1) Фабула, включающая узнаваемые события прошлого и настоящего или выстраивающая события будущего по логике, вызывающей у читателя ассоциации с известным историческим контекстом. 2) Присутствие героя, которого интересуют сверхличностные проблемы, относящиеся к становлению социума и этноса. 3) Речевая сфера произведения: монологи и диалоги персонажей (иногда с участием повествователя, не включенного в ход событий), актуализирующие концепты «судьба России», «кризис современности», «Россия и Запад в неизбежном противостоянии», «историческая жизнь и конец мира», «кризис и возможная гибель России», «смысл национальной истории», «типология разных периодов национальной истории, их сближение на основе сохраняющихся архетипов». 4) Особая активность автора, который в рамках литературного произведения, в контексте общения с потенциальным читателем начинает ставить перед собой и дидактические задачи.

Репрезентативны пять основных положений русской историософской мысли, к которой часто обращается литература. 1) Историософская концепция «Москва – Третий Рим» рассматривается русскими мыслителями и как основополагающая духовно-социальная идея, и как стиль, регулирующий отношение к движению времени и смене эпох. 2) Славянофильская доктрина особой судьбы России, ее духовной герметичности остается самой обсуждаемой историософской идеей, явленной различными трансформациями. 3) Сохраняя «национальный архетип» в

качестве ключевой проблемы, русская историософия предложила многообразные варианты отношения к Западу как к символу иного миропонимания. 4) При современном (всемирном, а не только российском) увлечении буддийским пониманием судьбы человека и истории мира, показательно то, что русская историософия мыслила себя в противостоянии буддийской историософской концепции. 5) Эсхатология – смысловое ядро русской художественной историософии, для которой характерен отход от исторического стандарта.

Важно, что русские философы Серебряного века вершиной национальной мысли считали отечественных писателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого – и в историософских размышлениях часто обращались к прозе и поэзии, черпая в них материал для становления философии истории.

Значимы четыре масштабных причины вхождения русской классической литературы в историософское пространство. 1) Национальная художественная литература, достигшая в XIX веке мировой значимости, была воспринята русскими мыслителями как «вторая история», способная прояснить коллизии основной истории, находящей выражение в реальных, а не литературных событиях. 2) Фигурами историософского дискурса стали, прежде всего, пять русских классиков: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой. Каждый – знак определенной позиции, имеющей отношение к историософским проблемам: Пушкин – встреча России и Запада, поиск национальной идентичности в контакте с европейской культурой; Лермонтов – идеи духовного протеста и парадоксы русского бунта, приобретающего метафизический характер; Гоголь – сочетание пафоса, приобретающего религиозные масштабы, и особой иронии, отрицающей внешние достижения русской цивилизации, что сказывается в постоянной гоголевской критике современного ему человека; Достоевский – идея православной историософии, предусматривающей и особое место России, и устойчивую мысль об эсхатологическом развитии цивилизации Нового времени; Толстой – художественная персонификация идеи отрицания истории ради становления души, которая не имеет ничего общего ни с государством, ни с официальной религией. 3) В судьбах и произведениях русских писателей – обоснование национального исторического пути в его разных вариантах: Пушкин – явление «русской всемирности», умения и желания впитывать достижения других народов для собственного развития; Лермонтов – национальный образ европейского

бунтарства, стремления к ниспровержению традиционных ценностей; Гоголь – явление мечты о социальном преобразении России с помощью православного воспитания и образования (прежде всего, «Выбранные места из переписки с друзьями», особенно востребованные в историчесофской мысли), доведенной до рационального проекта; Достоевский – художественное (и художественно-философское) обоснование своеобразия русского пути в отторжении от многих ценностей Запада, прежде всего, от католицизма, а также объяснение причин совершившихся и будущих революций; Толстой – вариант духовного, религиозно-социального развития России, с модернизацией христианского идеала, без православной Церкви и монархического устройства государственной жизни. 4) Русская философия истории, которую трудно представить без интереса к религиозной проблематике, рассматривала жизнь и творчество каждого писателя как определенную духовную модель, имеющую общественное значение и реализующуюся в историческом мире: Пушкин – художественное обоснование контактов и возможного синтеза христианства и язычества; Лермонтов – «религиозное богоборчество», обоснование духовного бунтарства, которое, возможно, совмещается с христианством, помогает выявить его сокровенный смысл; Гоголь – еще один синтез язычества и христианства (смеха, иронии и религиозного пафоса), но с окончательным выбором христианского идеала, приближающегося к идеалу монашескому; Достоевский – «диалогическое христианство», призванное доказать аристократии и интеллигенции, что бегство от религии, совершившееся в XIX веке, – тупиковый путь развития; Толстой – еще один вариант религиозной проповеди с целью изменить исторический мир, но на этот раз платформой явилось не классическое христианство, а своеобразный авторский протестантизм, парадоксально сочетающий мотивы радикального смирения с мотивами не менее радикального бунта.

Основные аргументы сближения истории и литературы таковы: 1) Фабульность и определенная завершенность ключевого события, позволяющая субъекту говорить о цельности литературного и исторического высказываний. 2) Наличие героев, определяющих развитие сюжета и становящихся протагонистами основных событий, меняющих картину мира. 3) Закономерная мифологизация, сжатие, уплотнение содержания, которые приводят к появлению символа, представляющего эпоху и отличающегося субъективизмом. 4) Повторяемость сюжетных концепций,

позволяющая выстраивать аналогии, поощряющая сравнение и сопоставление событий разных времен, происходящих в жизни далеких друг от друга народов.

При этом исторический роман не становится основным объектом анализа в соответствующем направлении. Для прояснения позиции следует отметить основные отличия исторического романа от дискурса, решающего историософские проблемы в иных жанровых формах. 1) Требование правдивого изображения реально происшедших событий, зафиксированных народной памятью в историческом романе; литературная свобода отношения к факту, независимость от того, что исторический роман считает «правдой». 2) Необходимость биографизма как естественной формы следования за состоявшейся судьбой человека, ставшего героем исторического романа; трансформация исторических имен и судеб, игровые технологии, позволяющие автору обращаться к логике судьбы человека, «не замечая» исторически достоверных деталей. 3) Обязательное обращение автора к документам, позволяющим реконструировать реальность прошлого в историческом романе; независимость от источников, возможность литературной работы с мифом об истории. 4) Исторический роман, несмотря на самые разные методологические варианты, остается относительно устойчивым эпическим жанром; художественная историософия вне исторического романа оформляется в самых разных жанровых формах.

Историософский уровень повествования отличает многие художественные тексты. В современной литературе это «мудрствование об истории» находит выражение в жанровом синтезе: утопия и антиутопия/дистопия, политический памфлет и фэнтези, альтернативная история и эсхатологический миф могут объединяться в рамках единого историософского сюжета. Чаще всего это единство осуществляется в рамках романа. Для этого есть веские основания. 1) Сам объем романа обеспечивает пространство для реализации и обсуждения историософских проблем в их протяженности. 2) Роман, являясь философичной жанровой формой, принимает «мысль об истории» как органическую доминанту повествования. 3) Роман компромиссно относится к внутреннему присутствию дискурсов, удаляющихся от непосредственной художественности. Так, в современном романе активные позиции занимает публицистический дискурс, иногда даже статья может быть повествовательной формой, включенной в романский сюжет. 4) Роман предоставляет возможность автору для активного участия в речевой структуре произведения, и

современные писатели часто вторгаются в повествование с историософскими комментариями. 5) Роман – искусство диалогическое, диалог – важнейший элемент речевой структуры романного жанра. Современная художественная историософия более полноценно реализуется именно в диалогах, которые позволяют антагонистам обозначить свою точку зрения на историю. 6) Именно роман действительно воспринимает разные сюжетные контексты, уменьшая напряжение историософского познания. Самым частотным контекстом, взаимодействующим с художественной историософией, является контекст любовный, органически присущий романному жанру, независимо от времени его бытования.

Итак, систематика предпосылок историософской сущности современного романа позволяет выявить ее связь с литературной традицией. Именно эта связь дает возможность определить дискурсивно-образную детерминацию историософской природы произведений.

Литература:

1. Алексеев А.П. Образная ткань философского произведения (К вопросу о сопоставлении философии и литературы) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 37-46.
2. Олива А.М. Влияние идей феноменологии на понятие «дискурсивного взаимодействия» бахтинского диалогического кружка // Там же. 2012. № 1. С. 161-165.

References:

1. *Alekseev A.P. Figurative fabric of a philosophical work (On the relation of philosophy and literature) // Issues of philosophy, 2011. N 11. P.37-46.*
2. *Oliva A.M. The influence of ideas on the phenomenology of the concept of "discursive interaction" of the Bakhtinian dialogic circle // Issues of philosophy. 2012. N 1. P.161-165.*